

*Светлой памяти друга и учителя
Юрия Германовича Виноградова посвящается*

ОЛЬВИЙСКАЯ ТИРАНИЯ, «СКИФСКИЙ ПРОТЕКТОРАТ»

и некоторые вопросы социально-политической и экономической истории Ольвийского полиса позднеархаического и раннеклассического времени.

Политическая история Ольвии является объектом неугасаемого интереса исследователей, начиная со второй половины XIX в., а именно — времени выхода в свет монографии В.В. Латышева, первого обобщающего научного труда об истории и государственном строе одного из наиболее значимых древнегреческих полисов Понта Евксинского (Латышев 1887). Спустя столетие, накопившийся за прошедший период новый материал из археологических, эпиграфических и нумизматических источников обобщил Ю.Г. Виноградов. Это позволило исследователю не только по-новому взглянуть на историческое развитие Ольвийского полиса, его экономику, культуру, религию, взаимоотношения с окружающим миром, но и переосмыслить давно известные, проанализированные еще В.В. Латышевым, нарративные источники и эпиграфические документы (Виноградов 1989). Историко-эпиграфическое исследование Ю.Г. Виноградова было воспринято неоднозначно. Тем не менее, по прошествии уже двадцатилетия не последовало, за исключением поправок, дополнений и отдельных отрицаний определенных позиций в авторских реконструкциях некоторых исторических эпизодов, существенной критики в его адрес. Следует признать, что труд выдающегося антиковеда современности Ю.Г. Виноградова останется актуальным еще многие годы и, несомненно, будет являться настольной книгой для многих поколений исследователей Ольвии,

как и по сей день служит работа В.В. Латышева.

Дискуссионные вопросы, затронутые Ю.Г. Виноградовым, — политические, экономические и культурные взаимоотношения эллинов с окружающим варварским миром, — остаются объектом острых дебатов, несмотря на интенсивные археологические исследования (особенно в 70-е и 80-е гг. XX столетия) как собственно городской территории Ольвии (Крыжицкий и др. 1999), так и памятников её хоры (Отрешко 1982: 34-46; Рубан 1985: 26-45; Крыжицкий и др. 1989; Крыжицкий, Буйских, Отрешко 1990; Снытко, Липавский 1990: 134-141; Снытко 2009: 25-34; 2011: 11-22; Snytko 1996: 408-409). Представители различных направлений продолжают интерпретировать археологические материалы по-разному, даже несмотря на, порой, очевидные факты, и в этом вопросе пока не достигнуто необходимого консенсуса. Некоторые специалисты, по-прежнему, в традиционном, давно устаревшем стиле 50-х гг. прошлого столетия, когда из-за отсутствия достаточных археологических данных, ещё не было чётко сформулировано само понятие «хора Ольвийского полиса», воспринимают хору не как составную часть государства, а как некую таинственную территорию с эфемерным варварским либо, в лучшем случае, полиэтничным (скифы, фракийцы, эллиноскифы, эллины) населением с неопределенным статусом и степенью зависимости от Ольвии. Анализ это-

го тупикового направления в исследовании Ольвийского полиса достаточно скрупулезно проведен в ряде работ С.Б. Буйских (Буйских 2004: 46-50; 2007: 74; 2007-а: 29-31; 2007-б: 110-125; 2009: 227 сл.; Buiskich 2006: 115-139; 2007: 23-35). Тем не менее, подобные, давно утратившие реальный смысл дискуссии зачастую отвлекают исследователей от серьезной проблематики и не дают возможности в полной мере взглянуть на Ольвию с позиции классического древнегреческого полиса с его политическим устройством, управлением, экономической, социальной и культурной сферами. Особенно это касается ранней истории Ольвии.

Ю.Г. Виноградов, хотя и не в полной мере отказываясь от преобладающих «варварских веяний», своей работой попытался «примирить» обе стороны, рассматривая историю Ольвии в архаическую, классическую и эллинистическую эпохи именно как историю древнегреческого полиса в Северном Причерноморье, с его особенностями, обусловленными территориальным расположением и внешнеполитической ситуацией. Одной из главных задач, как отмечает сам автор, было показать, что Ольвийский полис неправомерно рассматривать как отсталый, «медвежий» угол античной цивилизации. Не теряя присутствия ей своеобразия, Ольвия не отставала от времени. Она пережила те же социально-политические процессы, заложенные в самом полисном государственном устройстве, и разделила те же судьбы, которые пришлось испытать городам Средиземноморья и Причерноморья (Виноградов 1989: 5). На современном этапе предположение о разрешении в ближайшем будущем отечественным антиковедением проблем, накопившихся в изучении Ольвийского полиса, вызывает определённый

скепсис. Не в последнюю очередь этот скепсис обусловлен невосполнимой интеллектуальной лакуной, образовавшейся после безвременного ухода из жизни таких корифеев науки, как П.О. Карышковский, Ю.Г. Виноградов, Я.В. Доманский, А.Н. Щеглов, а также недавней утратой целой плеяды замечательных исследователей Ольвии и её окружи — А.В. Буракова, Н.А. Лейпунской, В.М. Отрешко, Е.Я. Рогова, В.В. Назарова, В.В. Рубана. Скепсис усугубляется еще и тем, что некоторым представителям нового поколения присущ упрощенный, поверхностный подход к исследовательскому процессу. Более того, порой совершенно неоправданно делаются попытки решить глобальные исторические проблемы, к изучению которых ученые «старой» школы подходили с большой осторожностью. Остается только с сожалением следить за результатами подобных примитивных и недобросовестных «научных» поисков, дезориентирующих подрастающее поколение и искажающих исторические реалии. Эти и многие другие неприятные тенденции в изучении древней истории и археологии уже подчеркивались в специальной литературе В.М. Зубарем — еще одним великолепным исследователем, которого недавно утратила наука (Зубарь 2003: 267-270). Данной преамбулой хотелось бы призвать молодое поколение более бережно относиться к печатной строке, избегать конъюнктуры и примитивизма, «оригинальности» в реанимации старых взглядов, отвергнутых самым главным судьей, — временем, излишней самонадеянности и бездоказательного упрямства, которые были чужды ушедшим в иной мир достойным ученым, умевшим признавать свои собственные ошибки и пересматривать свои, на первый взгляд, «красивые» гипотезы.

тезы. П.О. Карышковский при жизни говорил нам, тогда еще молодым археологам: «Когда садитесь за перо — не забывайте, что каждой своей строкой вы входите в Вечность и несете перед ней особую ответственность». Эту фразу П.О. Карышковского постоянно повторял и его лучший друг Ю.Г. Виноградов (Виноградов 1990: 9). Хотелось, чтобы к этим словам прислушалось и нынешнее поколение молодых специалистов.

Основной целью настоящей статьи является рассмотрение периода в истории Ольвии, связанного с тираническим управлением полисом — возможно, почти столетним эпизодом в многовековой истории Ольвийского государства. Наиболее обстоятельно этот вопрос рассматривался Ю.Г. Виноградовым (Виноградов 1981: 63 сл.; 1983: 403-404; 1985: 13-14; 1989: 109-126, 135-150; 1995: 16, 19; Виноградов, Крапивина 1995: 75; Vinogradov 1981: 25-26), хотя предположения о существовании в Ольвии на определенном этапе развития полиса авторитарической формы правления и конкретно тирании выдвигались и ранее (Цыбульский 1894: 21; Штерн 1904: 54; Stern 1915: 170; Зуц 1970: 67-68; Рубан 1979: 80; 1982: 37-38).

Однако эти шедшие в верном направлении, но не подкрепленные надежными источниками поиски носили, скорее, интуитивный характер. Анализ исторических событий невольно свидетельствовал, что, только начиная с IV в. до н.э., в Ольвии документально фиксируются все административные институты, необходимые для демократического государства, а до указанного времени управление полисом, очевидно, находилось либо в руках олигархических кланов, возможно, религиозных объединений, либо тирании, что не соответствовало

общепринятому мнению о традиционной ольвийской демократии, утвердившемуся в науке со времен В.В. Латышева (Латышев 1887: 213 сл.). В пользу этого, делались и попытки привлечения косвенных данных. В.В. Рубан, например, в антропонимах на денежных знаках Ольвии (ΘΥ, ΑΡΙΧΟ, ΠΑΥΣ, ΕΜΙΝΑΚΟ) V в. до н.э., видел, в отличие от П.О. Карышковского, имена не частных лиц, занимавшихся изготовлением монет (Карышковский 1962: 220-227; 1969: 10-11), а имена — ольвийских тиранов (Рубан 1979: 80), что, как и первое предположение, выглядело на том этапе изучения проблемы, достаточно гипотетично. С большей долей вероятности стало возможным говорить о тирании после находки в Ольвии в 1972 и 1973 гг. двух фрагментов декрета в честь синопского экстирана Тимесилея и его брата Теопрота (Виноградов 1981: Ч.1-2). Но главной в решении проблемы, замкнувшей цепь косвенных аргументов, стала находка в 1970 г. в с. - Парутино мраморного фрагмента базы статуи в честь тираноборца (рис.1), впервые опубликованная Ю.Г. Виноградовым в 1981 г. (Виноградов 1981: Ч.2; 1989: 141). В результате этих открытий совершенно иной колорит приобрели и дополнительные lapидарные источники — посвящения Зевсу Элевтерию, как и само истолкование появления его культа с начала IV в. до н.э. (IOSPE. I². 160; Виноградов 1989: 135-150). Показательна смена в начале IV в. до н.э. коллективных посвящений мольпов Аполлону Дельфинию индивидуальными посвящениями жрецов (IOSPE. I². 163, 186; HO. 58), к которым, вероятнее всего, перешли и функции городских эпонимов, что свидетельствует об утверждении в полисе демократического строя (Карышковский 1978: 82-88). На основании этого, а

Рис. 1. Фрагмент базы статуи тираноборца из Ольвии
(по Ю.Г. Виноградову).

также учитывая новые эпиграфические данные, П.О. Карышковский присоединился к гипотезе Ю.Г. Виноградова о существовании и последующем свержении в начале IV в. до н.э. тирании в Ольвии (Карышковский 1984: 49; Карышковский, Клейман 1985: 44). Развиваемую Ю.Г. Виноградовым идею ольвийской тирании целиком воспринял С.Ю. Сапрыкин (Сапрыкин 1984: 97-101; Saпрыkin 1991: 238). Более убедительно она прозвучала и в новой работе В.В. Рубана, который сопоставил исторические судьбы полиса с развитием поселений его сельской округи — хоры (Рубан 1985: 33-34). Постепенно идея тирании стала обретать все больше сторонников, поддержавших её в той или иной степени и в контексте различных исторических и социально-политических реконструкций (Крыжицкий и др. 1989: 99; Охотников 1990: 70; Русяева 1992: 207; 1994: 45-49; Доманский, Фролов 1995: 83; Крыжицкий, Лейпунская 1997: 26; Снытко 1994: 38-40; 2000:

49; 2010: 134-140; 2011: 12; 2011-а: 464; Снытко, Снытко, Николаев 2010: 116-117; Николаев 2008: 62-65, 201-203; Николаев, Снытко 2009: 186-192; Буйских 2009: 230).

Если существование тиранического управления в Ольвии V в. до н.э., подтвержденное документально, уже практически ни у кого не вызывает сомнений, то, напротив, параллельно приведенная Ю.Г. Виноградовым гипотеза о скифском протекторате над Ольвией этого времени (Виноградов 1983: 400; 1989: 90 сл.; 1995: 15-16; Виноградов, Доманский, Марченко 1988: 31-33; 1990: 94-95; Vinogradov 1996: 429-430), была воспринята довольно неоднозначно — от полного отрицания (Крыжицкий, Отрешко 1986: 14-15; Анохин 1989: 15-17; Русяева 1992: 126; Крыжицкий, Лейпунская: 1997: 23-24; Крижицкий, Зубар, Русяева 1998: 97-100; Крыжицкий и др. 1999: 94-97, 152-154; Крижицкий 2001: 21-35; 2007: 8-23; Буйских 1986: 21; 2009: 230; Буйских, Отрешко 2009: 139), ос-

торожного предположения о возможности поддержки скифскими правителями ольвийских тиранов (Карышковский 1984: 49) или кратковременным установлением протектората над ольвийским полисом в прямой форме либо посредством зависимой от скифов тирании (Доманский, Фролов 1994: 40-41; 1995: 83), до целостного и безоговорочного принятия идеи и её дальнейшего развития (Марченко 1993; 1999: 147 сл.; 2005: 111 сл.; Мельников 2002: 260-268). В приведенных работах дан исчерпывающий анализ гипотезы, и в контексте нынешней статьи разберём лишь добавочные соображения относительно концепции о скифском протекторате. Отметим, что на сегодняшний день отсутствуют достаточные аргументы для подтверждения этой теории. Если следовать логике самого Ю.Г. Виноградова относительно документального подтверждения существования тирании в Ольвии находкой в 1970 г. базы статуи тираноборца (Виноградов 1989: 141), то все имеющиеся доводы в пользу гипотезы о скифском протекторате остаются косвенными, базирующимися, в основном, на рассказе Геродота и ряде логических умозаключений (см.: Охотников 2008: 127), которым поодиночке можно дать и иное истолкование (см.: Крижицкий 2001: 21-35). Следовательно, до возможной находки бесспорных документальных подтверждений, гипотеза о скифском протекторате остается, по сути, красивой легендой, предложенной Ю.Г. Виноградовым и поддерживаемой исследователями, чьи устаревшие и утратившие лидирующие позиции в отечественном антиковедении, в процессе современных исследований Ольвийского полиса, исторические реконструкции и этно-политические модели она полностью устраивает.

В качестве одного из аргументов,

подкреплённого археологическими данными, сторонники протектората используют редукцию ольвийской хоры в середине V в. до н.э., вызванную скифской угрозой, и тем самым уничтожение степняками одной из главных отраслей экономики ольвиополитов — сельского хозяйства. В действительности, процесс редукции позднеархаической и реннеклассической хоры Ольвии был неодновременным, а имел, как минимум, 10–20-летний диапазон. Переселение жителей хоры в Ольвию носило не внезапный, а целенаправленный и плановый характер (Крыжицкий, Отрешко 1986: 15; Крыжицкий и др. 1989: 95; Крыжицкий, Лейпунская 1997: 23-24; Буйских 2009: 230). Гипотеза, согласно которой жизнь на хоре была приостановлена из-за миграционного потока скифов (Марченко 1980: 142-143), археологическими данными не подтверждается (Буйских 1986: 21; Крыжицкий и др. 1989: 22, 94, 96; 1990: 42-43; 1999: 94-95; Крижицкий 2001: 31; Буйских 2009: 230). Сомнителен и тезис о варварской угрозе, ставшей причиной свёртывания сельских поселений (Vinogradov 1980: 72 ff.; Марченко 1980: 142 сл.; Яйленко 1982: 290-291; Виноградов 1989: 83). В Северном Причерноморье в конце VI — первой половине V вв. до н.э. не наблюдается ощутимых следов мощного объединения варваров, которое могло бы в какой либо мере подчинить себе Ольвию (Крижицкий 2001: 31; Буйских. 2009: 230), хотя не исключено, что доброжелательное отношение между степняками и ольвиополитами могло подкрепляться со стороны последних «дарами по случаю приезда» (Крыжицкий и др. 1989: 99), как это документально зафиксировано уже в несколько более позднее время (IOSPE. I². 32). Однако подобные традиционные взаимоотношения

между греками и варварами не дают достаточных оснований утверждать о серьезном политическом давлении на Ольвийский полис со стороны скифов, тем более в форме протектората. Безусловно, ольвиополиты поддерживали тесные экономические связи со Скифией, которые были мирными и взаимовыгодными, что подтверждается рядом источников. Тем не менее, даже на базе уже имеющихся многочисленных исторических и археологических материалов, весьма трудно и рискованно моделировать динамику и формы их политических и экономических взаимоотношений в этот период. Собственно, учитывая различные научные подходы и концепции, практически не представляется возможным, с необходимой долей уверенности, определить баланс этих отношений и степень политического, экономического и культурного взаимовлияния.

В новелле Геродота о царе Скиле, часто посещавшем Ольвию, мы также не находим ответа на вопрос о возможном политическом давлении на полис (Herod. IV. 78, 79, 80). Скил входил в город без охраны, имел своё домохозяйство (οἰκός), жену гречанку; вёл себя, как рядовой гражданин, носил греческое одеяние; наравне с другими ольвиополитами, участвовал в городских религиозных праздниках, что, скорее всего, объясняется получением Скилом проксении и других льгот (возможно, даже политики) от «благодарных» ольвиополитов за добрососедские услуги, а не политическим и экономическим нажимом на горожан. Практика предоставления государственных льгот ольвиополитами в это время не только рядовым иностранцам, но и политическим лидерам, хорошо известна. Вспомним синопского экс-тирана Тимесилея и его брата Теопропа (Виноградов 1981). Полития была

дарована и боспорскому правителю Сатиру (Виноградов, Крапивина 1995). Исходя из наличия собственного дома в городе, возможно, Скил получил и привилегию энктесиса, известную в Ольвии этого времени по декрету в честь Тимесилея и Теопропа, где энктесис в уникальном сочетании зафиксирован совместно с политией (Виноградов 1989: 110-111). Возможное обретение Скилом энктесиса от горожан (εὐκτησίς οἰκός) не отрицает и Ю.Г. Виноградов, хотя более реальным считает самостоятельное присвоение им указанной привилегии на правах патрона-покровителя (Виноградов 1989: 105). Естественно, предоставленные Скилу привилегии не имели, по известным причинам, широкой огласки, как и не рекламировалась его обычная жизнь в Ольвии (скифская свита царя в город не допускалась), т.к., когда соплеменникам стала известна «тёмная» сторона жизни их патрона, его постигла печальная участь. Единственная фраза из повествования Геродота, которая могла бы свидетельствовать о серьезном влиянии скифского царя на город, — «велел, приказывал запира́ть ворота» (Мищенко, Бессмертный, Стратановский, Белецкий), — дословно переводится, как «запирал ворота» (τάς πύλας ἐκλήσειε). Это отмечал и Ю.Г. Виноградов, тем не менее, он не рассматривал иные возможные варианты интерпретации указанного фрагмента текста, придерживаясь литературного перевода, который вполне соответствовал гипотезе исследователя (Виноградов 1989: 105). Другая фраза, — «а ворота стерегли» (τάς δὲ πύλας ἐφύλασσαν), — и вовсе не даёт никаких подтверждений на сей счёт, т.к. городские ворота охранялись независимо от приезда скифского царя. Возможно, что в это время охране были даны дополнительные инструкции городскими властями по просьбе

самого Скила и в силу дружественных отношений царя с ольвиополистами (Крижицкий 2001: 28).

Учитывая вышеприведенное, попытаемся рассмотреть ольвийскую историю позднеархаического и раннеклассического времени не через призму греко-варварских отношений, а проанализировать имеющиеся на сегодняшний день материалы с позиции взгляда на Ольвию как на классический древнегреческий полис. К сожалению, во многих исследованиях уделялось чрезмерное внимание внешнеполитическим факторам, из-за чего мало места оставалось для изучения истории социально-политического развития собственно самого полиса, что, как правило, искажало действительные исторические реалии и давало неадекватную оценку тем или иным явлениям. При этом, порой, забывались основные политические, социально-экономические, демографические и территориальные принципы, присущие древнегреческому полису, освещённые в трудах Аристотеля (Pol. I, III) и Платона (Legg.), или делались попытки внести коррективы в традиционные устои древнегреческого общества, ссылаясь на особенности развития эллинских государств в условиях Северного Причерноморья, придавая этим особенностям весьма завышенное значение (Шелов, Брашинский 1966: 161-171; Марченко 1980: 131-143; 1999: 145-172; Марченко, Виноградов 1995: 80-84). В основном, представители т.н. «варварской школы» оперировали лишь косвенными аргументами, преимущественно почерпнутыми из литературного изложения отца истории и самостоятельно, в произвольной форме, доосмысленными. Кроме того, из общего археологического контекста в качестве этнопоказателя выделялись земляночная архитектура жилищ первых колонистов,

якобы не свойственная древним грекам, и такая категория находок, как лепная керамика, на процентном соотношении которой, как это ни парадоксально, базировались социально-этнические модели для региона Нижнего Побужья.¹ Некорректность подобных реконструкций очевидна, тем более, что производство лепной посуды имеет «интернациональный» характер и является присущим как грекам, так и варварам (Гаврилюк, Отрешко 1982: 75-90; Гаврилюк, Соколова 2007: 288-342; Снытко, Снытко, Халычев 2011: 468-472). Не трудно проследить, что процент наличия лепной продукции возрастает по мере удаления поселений от города, где и располагались мастерские по производству кружальных керамических изделий (Диама́нт, Левина 1991: 93; Снытко 1995: 149). Недолговечность же керамики и в ней постоянная потребность в хозяйстве стимулировали жителей периферийных посёлков к самостоятельному производству лепной посуды, возможно, и по варварским образцам. По причине острой необходимости производились в лепном варианте и такие традиционные для древних греков типы посуды как солонки, светильники, фимиатерии, гутусы и даже кратеры (Рубан 1980: 287-290). Приведём ещё одно заслуживающее внимания наблюдение. На одном из самых удалённых к северу от Ольвии поселении Сиверсов Маяк-I, где довольно высок процент находок лепной посуды, зафиксировано наибольшее среди поселений хоры IV – III вв. до н.э. число граффити и предметов культового характера, свидетельствующих об эллинской культуре его жителей (Снытко 1991: 66-70; он же 1994-б:

¹ Критический анализ данного подхода к исследованию проблемы см.: Крыжицкий 2006; 2007: 18-19.

213-214; он же 1994-в: 124-127). Н.А. Гаврилюк и О.Ю. Соколова, на примере анализа материала из Нимфея, убедительно доказывают, что лепная керамика никак не является безусловным свидетельством присутствия варваров в составе населения античных центров Северного Причерноморья. Они справедливо считают, что в изменениях количества лепной керамики и особенностях лепного керамического комплекса можно усматривать, скорее, некоторые экономические, а не этнические изменения в жизни греческого населения (Гаврилюк, Соколова 2007: 288). Присоединяясь к данному мнению, заметим, что, на наш взгляд, не только рискованно, но и неправомерно во всех отношениях при построении исторических, социально-политических и экономических реконструкций общеполисного, а порой и регионального, масштаба опираться на такие мало-значимые и сомнительные аргументы, как лепная посуда; при этом, пользуясь примитивным фактажом и нарушая элементарные принципы научной этики, делать глобальные выводы, дезориентирующие общее представление о греческой

колонизации и развитию античной цивилизации в Северном Причерноморье.

Отметим также, что сам автор гипотезы о скифском протекторате, в отличие от своих последователей, даже отмечая высокий процент негреческих имен в Ольвии V в. до н.э. (Виноградов 1981-а: 134-136), все же не пытался повсеместно «заселить» полис «варварским элементом». Принимая идею скифского протектората Ю.Г. Виноградов отмечал, что, вторгаясь в экономическую сферу Ольвии, правители Скифии не вмешивались в её внутреннюю и внешнюю политику, допуская даже то, что инициаторами и главными сторонниками установления такого режима могли быть определенные слои древнегреческого общества, заинтересованные в посреднической торговле между варварами и эллинским миром (Виноградов 1989: 107-108). Правда, до конца остается неясным вопрос, какую сферу экономики имел в виду Ю.Г. Виноградов. Если зерноторговлю, то в этот период из-за отсутствия большой хоры ольвиополиты сами нуждались в зерновой продукции.² А в Степной Скифии земле-

² Возможно, не столько политическими (Виноградов, Крапивина 1995: 75), насколько экономическими соображениями руководствовались ольвиополиты, даруя полицию, беспощадность на все товары и право входа и выхода из гавани боспорскому правителю Сатиру, очевидно, регулярно поставлявшему в город зернопродукцию в это сложное для полиса время. Заметим, что ставя под сомнение экономическую подоплёку эвергесии Сатира (текст документа свидетельствует преимущественно о ней), при этом, достаточно обоснованно восстанавливая возможную дату издания декрета (392-389 гг. до н.э.), авторы не учитывают тот факт, что даже в предложенное ими время хора Ольвии только начала своё возрождение и ещё не могла в достаточной степени обеспечить зернопродукцией даже внутренний рынок. Кроме того, не взято во внимание, что указанные привилегии, как это было принято у ольвиополитов, были дарованы Сатиру не за «единичный хлебный подарок» (по Ю.Г. Виноградову и В.В. Крапивинной), а за многолетнюю поддержку полиса в трудные времена. Косвенно об экономическом характере декрета в честь Сатира может свидетельствовать и последующий договор с его сыном Левконом, где указанные льготы не упомянуты, а в виде договора изложена традиционная формула о дружбе и взаимопомощи (Виноградов, Крапивина 1995: 73). Договор с Левконом ольвиополитами был заключён, когда они уже почти полностью восстановили свою сельскую округу и могли быть конкурентоспособными в сфере зерноторговли на рынках Эйкумены. Скорее всего и факт договора с Левконом, кроме политического, имел свой экономический подтекст в сфере взаиморегулирования торговых операций с другими полисами античного мира.

делие как хозяйственная отрасль (да и то в примитивной степной форме, характеризующейся переложным способом землепользования с фуражной направленностью агрикультуры) появляется лишь в IV в. до н.э. (Гаврилюк 2000: 42). Нет и убедительных данных о возможности экспорта пшеницы из лесостепного региона (Гаврилюк 1999: 268 сл.; Крижицкий 2001: 26). Следовательно, при условии протектората над Ольвией в сфере экономики скифским правителям не имело смысла силовым давлением свёртывать сельские поселения ольвийской хоры, жители которых могли бы быть конкурентами несуществующим скифским земледельцам. Логичнее было бы обложить сельских производителей хоры данью, как и взимать необходимый форос с городских жителей. Единственной отраслью экономики Скифии этого времени, которой могли бы составить конкуренцию ольвиополиты, было скотоводство (Гаврилюк 2000: 42), но именно греческих скотоводов не коснулся процесс концентрации сельского населения в Ольвии в середине V в. до н.э. Они в силу специфики своей профессиональной деятельности продолжали оставаться на местах своих пастбищ. Именно их погребения в Аджигольском некрополе скифологи ошибочно выделяют в «локальный вариант скифской культуры» (Яценко 1959: 61; Мурзин 1984: 43; Черненко и

др. 1986: 17), или в т.н. «приольвийскую группу скифских памятников» (Гребенников, Фридман 1985: 91-92; Гребенников 2008: 53). Основные доводы в пользу этой гипотезы базировались на устаревших взглядах на хору Ольвии 50-х гг. XX столетия и без учета новейших исследований (Крыжицкий и др. 1980: 3-18; 1989; 1990; Крыжицкий 2001; Буйских 1997: 29-30; 2005: 178-179; 2007: 67; 2007-6: 110-125; 2009: 230; Снытко, Липавский 1990: 134-141; Снытко 1992: 91-92; 2009: 26; 2011: 11-22; Snytko 1996: 408-409).³ Не принято во внимание и экономическое районирование Ольвийского полиса в архаическую и раннеклассическую эпохи, где район Аджигола для ольвиополитов имел ярко выраженную скотоводческую специализацию (Отрешко 1979: 151-158; Буйских 1985: 8-10; 2008: 35; 2009: 234; Крыжицкий и др. 1989: 75, 94).

Еще более противоречивым экономический подтекст идеи протектората выглядит при условии принятия версии о преимущественно варварском населении окружения Березани и Ольвии (Марченко 1988; 1991; 1999; 2005; Соловьев 2000: 303; 2000-а: 102; 2000-б: 164; Solovyov 2001: 118). Становятся совсем непонятными причины силового переселения в город в середине V в. до н.э. своих оседлых соплеменников, которые *argiōi* могли бы являться поставщиками товарной

³ В недавней работе Д.С. Гречко, повторяя основные постулаты уже давно известной позиции предшественников, выискивая технические ошибки оппонентов и, по сути вопроса, не предлагая новых, достаточно обоснованных контраргументов, при этом поверхностно освещая перипетии истории Ольвийского полиса этого времени, попытался реанимировать старые взгляды о скифской принадлежности греческих подкурганых захоронений Нижнего Побужья. См.: Гречко 2010: 116-135. Однако, по ряду весьма существенных причин, рассмотрение которых выходит за рамки нынешней статьи, авторская аргументация не может быть серьезно принята во внимание при анализе проблемы. О греческих подкурганых захоронениях античных некрополей Нижнего Побужья см.: Снытко 2011: 11-22. Дополнительно автором, совместно с С.Б. Буйских, готовится статья о формировании и развитии Ольвийского полиса в VI-IV вв. до н.э., где будут учтены и вопросы, связанные с древнегреческим погребальным обрядом.

зернопродукции для скифских вождей, тем более при отсутствии интенсивного земледелия в этот период в Степной Скифии. При этом становится невероятным и тезис о «варварской угрозе», для т.н. «преимущественно варварского населения», следствием которой стало запустение поселков сельской округи. Конечно, разрешение подобной апории сторонники гипотезы могут найти в, возможно, враждебных отношениях кочевников к земледельцам. Но данное объяснение будет таким же вымышленным, как и сама идея о варварском населении ольвийской хоры.

И ещё одно небольшое замечание, косвенно свидетельствующее о незаинтересованности правителей Скифии в редукции сельских поселений – основы продуктовой базы Ольвийского государства, в описанной выше сложившейся хозяйственно-экономической ситуации в Степной Скифии и Нижнем Побужье середины – второй половины V в. до н.э. Из скифского логоса Геродота о визитах Скила в Ольвию, Ю.Г. Виноградов, рассматривая обстоятельства, когда спутникам царя часто и подолгу приходилось ожидать его за городскими стенами, приходит к выводу, что периодические прикочевки Скила к Ольвии с войском, т.е. всем боеспособным мужским населением царства (по Ю.Г. Виноградову), были не чем иным, как «кормлением» войска (Виноградов 1989: 104). Следует понимать, что этой практикой пользовался не только Скил, но и другие скифские правители, как до, так и после него и не только по отношению к Ольвии, но, не исключено, и к другим греческим полисам Северо-Западного Понта. Если принять данную версию, то на долю горожан возлагалось тяжкое бремя обеспечения продуктами питания значительного контингента ижди-

венцев, по своей численности, возможно, равной количеству всего мужского населения города. В такой ситуации скифам, поддерживающим с греками мирные отношения, было бы совершенно невыгодным лишать Ольвию своей продовольственной базы — сельскохозяйственных поселений хоры. В данном случае скифским вождям следовало бы напротив, любыми способами, препятствовать массовому переселению в город сельских жителей.

Возможны и иные объяснения частых визитов кочевников во главе со Скилом в Ольвию. Проводя анализ экономики Степной Скифии, Н.А. Гаврилюк выдвигает предположение, что в торговой структуре степных скифов с греческими центрами значительная роль могла принадлежать работоторговле, возникновением и развитием которой в значительной мере можно объяснить обогащение степных скифов в IV в. до н.э. (Гаврилюк 1999: 266-267; 2000: 43-44). Не исключено, что одним из первых поставщиков «живого товара» и был Скил, пригоняя со своим войском к городским стенам, после очередных межплеменных военных конфликтов, пленённых в походе противников и продавая их в рабство, посредством своих греческих партнёров. Вероятность таких конфликтов косвенно подтверждает и повествование Геродота о довольно оперативной реакции Октамасада на «порочное» поведение Скила в Ольвии. Скорее всего, недостойное поведение царя было лишь поводом для его устранения, а в действительности, последующие события объясняются наличием сильной оппозиции, недовольной его политикой, постоянными междоусобными военными стычками и отсутствием сильной централизованной власти в Скифии того времени. Локальные войны в

степи, очевидно, носили достаточно жестокий характер, если допустить, что в рабство продавались свои же соплеменники (весьма коварный способ избавления от политических соперников!).⁴ Этим, а не столько подчеркнутым отцом истории эллинофильством скифского царя, в значительной степени могут объясняться его частые визиты в Ольвию и долгое пребывание в городе. Очевидно, подобный вид торговой деятельности достался Скилу по наследству от отца — Ариапифа, имевшего в городе даже своего поверенного (ελιτροπος) Тимна. Тем не менее, указанная спонтанная посредническая торговля не даёт веских оснований для бесспорного утверждения о возможности установления скифского протектората над полисом. Как верно отмечает С.Д. Крыжицкий, для организации экспорта подобного товара через Ольвию не было необходимости осуществлять такие экстраординарные меры, как разгром сельской округи Ольвии или установление протектората над полисом, превращая город в торгового трансакта (Крыжицкий 2001: 26).

Проведя небольшой обзор состояния проблемы, невольно напрашивается вывод о том, что в процессе организации и обустройства государства, в политической, экономической и социально-демографической сферах ольвиополиты руководствовались не столько внешними факторами, сколько собственными внутривосполнительными приоритетами.

В действительности, современные данные археологии свидетельствуют о следующем. В конце VI — начале V вв. до н.э. продолжалось территориальное развитие Ольвийско-

го полиса. В основном заселялись прибрежные районы Нижнего Побужья к северу от Ольвии (Буйских 2009: 228). Появление этих поселений объясняется не только притоком новой волны колонистов из Ионии, но и, возможно, начавшимся процессом т.н. внутренней колонизации (Отрешко 1990: 15; Буйских 2009: 228). Наличие новой волны переселенцев, отмечает и А.С. Русяева, с которой связывает, приводя исторические параллели, стремление к захвату политического влияния как в городе, так и вообще в данном регионе, проявившееся в постепенном вытеснении культа Аполлона Врача и дальнейшем утверждении в качестве главы Пантеона Аполлона Дельфиния (Русяева 1986: 53, 63). В первой трети V в. до н.э. полис полностью определяется в своих территориальных границах, которые просуществовали на протяжении всей его истории. Организация поселений происходила на новых, ранее незаселённых территориях, при полном отсутствии, какого либо ощутимого местного варварского населения. Отсутствие внешних и внутренних преград для обустройства, ограничений в пространстве и времени, удачное соединение топографических особенностей, ресурсо-сырьевых возможностей способствовало свободному переселению в эти края греков — ионийцев и утверждению их в Нижнем Побужье (Буйских 2011: 58-59). Временная земляночная и полуземляночная архитектура первых колонистов повсеместно сменяется наземными сырцово-каменными домами Буйских 2009: 229). Параллельно с этим начинается монументальное строительство в городе, возводятся оборонительные стены (Крыжицкий 1985: 68, 86; Крыжицкий, Лейпунская 1997: 23).

К исходу второй трети столетия сельская территория полиса свёрты-

⁴ О рабовладельческой идеологии и распространении рабства в скифском обществе см.: Тереножкин 1977: 17-26.

вается, до пределов, которые необходимы для обеспечения сельхоз-продукцией его населения (Буйских 2009: 229). Причины этого процесса, как отмечалось выше, заключены не во внешнеполитических факторах, а регламентировались внутренними государственными соображениями. Редукция хоры, прежде всего, была связана с особенностями внутренней социально-экономической и политической жизни Ольвии. Плановый процесс переселения в Ольвию был проведён для усиления развития города, лучшей организации населения полиса и качественной перестройкой всей полисной организации (Крыжицкий, Отрешко 1986: 15; Крыжицкий и др. 1989: 95; Крыжицкий, Лейпунская 1997: 23-24; Отрешко 1990: 15; Буйских 2009: 230). По мнению С.Б. Буйских, основанному на анализе целого комплекса имеющихся данных, процесс редукции, в первую очередь, был связан с этапом завершения формирования Ольвийского полиса, целенаправленной концентрацией сырьевых и людских ресурсов для интенсивной деятельности по строительству его урбанистического, общественного и культурного центра, а также необходимостью переорганизации сельскохозяйственной территории государства, путём осознанного временного уплотнения его аграрной зоны (Буйских 2009: 230). Очевидно, это было связано с государственной, централизующей деятельностью ольвийских тиранов, ибо при ином, менее эффективном управлении полисом, проведение такой массовой радикальной акции было бы маловероятным (Снитко 2011: 12). Ориентировочная дата установления тиранического режима – около 440 г. до н.э. (Виноградов 1989: 121). К этому времени плановое свёртывание поселений хоры по археологическим данным было практически заверше-

но. Исходя из этого, можно допустить, что тирания была установлена, как минимум, на десятилетие ранее. Указанная дата, по Ю.Г. Виноградову, является временем реставрации и утверждения тиранической власти, упразднения института наместников скифского царя, с которыми, по его убеждению, были связаны эмиссии ольвийских монет с легендами АΡΙΧ, ΑΡΙΧΟ, ΕΜΙΝΑΚΟ, хотя и при сохранении, в умеренных рамках, варварского протектората над городом. Появление же тирании в Ольвии соотносится со временем эмиссии литых обол с легендой ΠΑΥΣ, а именно хронологическим отрезком 490-480 гг. до н.э. (Виноградов 1989: 112, 120).⁵ Однако сопоставление этих легенд с именами варварских наместников представляется недостаточно обоснованным, как и весьма гипотетичным, несмотря на приведённые Ю.Г. Виноградовым, преимущественно, косвенные аргументы и исторические параллели, остаётся связь антропонима ΕΠΠΑΥΣΑ, ΠΑΥΣ (=Павсаний?) с именем первого ольвийского тирана. Следует всё же признать, что даже при наличии множества привлекательных и, на первый взгляд, убедительных версий, касающихся исторической интерпретации принадлежности этих монетных легенд, вопрос об окончательном разрешении данной проблемы продолжает оставаться актуальным объектом дальнейших исследований. Относительно эмиссии монет с легендой ΠΑΥΣ можно согласиться с Ю.Г. Виноградовым, опирающимся на выводы П.О. Карышковского, согласно которым в

⁵ В.В. Рубан также соотносит время появления тирании с появлением имён собственных на ольвийских монетах, предлагая хронологический отрезок 480-470 гг. до н.э. (Рубан 1982: 37).

раннее время в роли городского эпонима выступал айсимнет мольпов, сменённый в дальнейшем жрецом Аполлона (Карышковский 1978: 82-88), а также собственные разработки в этом направлении (Vinogradov 1979: 313), что данную серию датировал своим именем общегородской эпоним – айсимнет союза мольпов (Виноградов 1989: 112-113). Ссылаясь на исторические свидетельства, где упомянуты случаи, когда айсимнетия приводила к тирании, он не исключает возможность подобной ситуации с Павсанием (Виноградов 1985: 13-14). Но приведённые Ю.Г. Виноградовым аргументы всё же косвенно свидетельствуют о такой возможности, из-за чего и сама идея может быть принята лишь в качестве одной из гипотез, нуждающихся в дополнительных подтверждениях. В связи с этим и верхнюю дату установления тирании в Ольвии, предложенную Ю.Г. Виноградовым, можно воспринимать в качестве условной. Вполне обоснованно мнение А.С. Русяевой о том, что из-за скромного объёма письменных источников нельзя достаточно полно проследить общественно-политическую историю Ольвийского государства не только из года в год, но и для каждого полустолетия отдельно (Русяева 1994: 50). Во всяком случае, если обратиться к известной античной практике, то период правления тиранов всегда сопровождался какими либо радикальными преобразованиями в государстве, связанными с внутренней организацией населения для выполнения назревших общеполитических задач, интенсивным городским монументальным строительством, массовым возведением культовых и общественных сооружений (Arist. Pol.: V. 9.4; Kolb 1977: 99-138; Андреев 1988: 242). Именно таковым для Ольвийского полиса и было

время, начиная с середины V в. до н.э., когда основная часть населения была сосредоточена в городских пределах. Добавим, что обычно тираны приходили к власти на почве кризисных явлений в государстве (Андреев 1988: 243-247). Относительно Ольвии, катализатором таких явлений могли стать противоречия и конфликты между старыми ольвиополитами и контингентом новых колонистов, на возможность которых указывает и А.С. Русяева (Русяева 1986: 53, 63), а также, с другой стороны, разногласия между олигархией и демосом. Хочется привести и ещё одно заслуживающее внимания наблюдение А.С. Русяевой. В середине V в. до н.э. на ольвийских монетах (статеры Эминака)⁶ произошло официальное сближение символов двух культов — Аполлона Врача (колесо) и Дельфиния (изображение четырёх дельфинов по сторонам колеса), после чего символ Аполлона Врача в виде колеса окончательно исчезает из ольвийской нумизматики (Русяева 1986: 56-57). Совместная символика двух ипостасей божества, по мнению А.С. Русяевой, отражает политическую обстановку в городе и государстве, являясь одним из источников решения этой сложной проблемы (Русяева 1986: 56). Достаточно примечательно и первое изображение на этих монетах Геракла в Ольвии (рис. 2). Не касаясь спорных вопросов о семантике (Карышковский 1960: 179-195; Виноградов 1989: 93-94; Русяева 1992: 123-126), отметим важность самого

⁶ Наиболее реальным, представляется время выпуска этих монет предложенное П.О. Карышковским, датирующего их серединой V в. до н.э. (Карышковский 1984-а: 85; 1985: 34). Позднее установлен возможный хронологический отрезок их эмиссии - 460-440 гг. (Карышковский 1988: 50).

Рис. 2. Статер Эминака.

трактовка легенды ЕМИНАКО (имя собственное, возможная эпиклеза Геракла, в последующем более никогда не упоминаемая).⁷ Не исключая возможности существования в Ольвии ранней тирании (490-480 гг.), рискнём предположить, что более обоснованно можно говорить об установлении тиранического режима именно в период, начинаая с конца второй четверти – середины V в. до н.э. Вполне вероятно, что приход к власти тирана был вынужденной временной мерой с целью общего примирения в гражданском коллективе. Именно с правлением тирана допустимо, на наш взгляд, связать и концентрацию всего населения полиса в городе для последующего справедливого перераспределения землепользования в государстве, что, вероятно, было и одним из основных условий гражданского примирения. С властью тирана в Ольвии, в клане которого, возможно, культ Геракла был гентильным⁸, на наш взгляд, логичнее связывать и кратковременный выпуск серебряных статеров Эминака

факта присутствия божества на аверсе монеты, выпущенной в это время. Особой роли не играет и

⁷ Анализ различных гипотез относительно факта появления Геракла на аверсе статеров и возможной трактовки легенды ЕМИНАКО см.: (Крижицкий 2001: 29-30). Со своей стороны добавим, что при условии скифского протектората над Ольвией, было бы совершенно лишено логики и последовательности наместнику Октамасада Эминаку (по Ю.Г. Виноградову, см.: Виноградов 1989: 121), особенно после печальной участи Скила, пострадавшего за эллинофильство, помещать на аверсе монеты рядом со своим именем изображение греческого божества, пусть даже в ипостаси Геракла Таргитая. Гораздо логичнее было бы разместить собственную физиономию или лик своего патрона Октамасада, как это в действительности зафиксировано в более поздние времена на ольвийских монетах Фарзола и Инисмея (Карышковский 1988: 108). Опять же, не упоминая сугубо греческой легенды о происхождении скифов, можно было изобразить нейтральный сюжет из скифского быта, что засвидетельствовано на монетах Ольвии царя Скилура (изображение ритуальной повозки) или Атея, выпущенных Каллатией, где рядом с именем царя отчеканен скифский всадник (Анохин 1973: 36-37; Рогольский 1974: 3-13).

⁸ В эпиграфическом лапидарии Ольвии имеется надпись III в. до н.э., в которой идёт речь о сооружении башни в честь Геракла и Демоса (IOSPE. I2. 179). Сакральное объединение двух культов, по мнению А.С. Русяевой, свидетельствует о том, что Геракл в данном случае, выступил в роли покровителя демократической партии в Ольвии (Русяева 1994: 54-55). Нет противоречий и в том, что символом гражданского примирения Геракл стал и в напряжённой политической обстановке в ольвийском обществе середины V в. до н.э., временно приведшем, в целях нейтрализации социально-политических конфликтов в государстве, к власти тирана, вероятнее всего, опиравшегося, для удовлетворения своих политических амбиций, на большую часть демоса.

(Снытко и др. 2010: 116-117).⁹ Неизвестно, насколько правление тирана оправдало всеобщие чаяния граждан, но следует учесть документально подтверждённый факт его устранения от власти, а также, судя по незначительности числа найденных экземпляров, полного изъятия из общеполисного денежного обращения выпущенных им статовров. Заметим, что использование монет более ранней серии АРІХ археологически фиксируется даже в первые десятилетия IV в. до н.э. (Рубан, Урсалов 1986: 39-40; Урсалов 1986: 112; Снытко 1990-а: 44-47), также как и длительное хождение мелкой разменной меди в виде дельфинов.

Отметим, что временный период отсутствия интенсивной жизнедеятельности т.н. «большой хоры» не был таким уж длительным. Новые материалы раскопок некоторых памятников периферии, в комплексе с более ранними исследованиями (Штителъман 1958: 131-132; Русяева 1968: 212) свидетельствуют о том, что процесс нового расширения хоры был начат уже в последней трети V столетия (Марченко 1985: 50-51; Марченко, Доманский 1986: 48-60; Виноградов, Марченко 1985: 14-15; они же: 1986: 59-60; Буйских 1985: 263-264), хотя массо-

вый характер он приобрёл на рубеже V – IV вв. до н.э. (Крыжицкий и др. 1989: 99). Возобновление жизнедеятельности некоторых поселений и возникновение отдельных усадеб вблизи Ольвии в последней трети V в. до н.э. объясняется многими обстоятельствами. Прежде всего отмечаем, что плановое переселение в Ольвию, как указано выше, не касалось профессиональных скотоводов. В частности, район Аджигола, где зафиксированы поселения и некрополи последней трети V в. до н.э., для населения хоры Ольвии, с хозяйственной точки зрения в свете экономического районирования территории полиса, имел ярко выраженную скотоводческую (отгонное скотоводство) специализацию (Отрешко 1979: 151-158; Буйских 1985: 8-10; 2008: 35; 2009: 234; Буйских, Ольговский 1995: 3-11; Крыжицкий и др. 1989: 75-94; Одрін 2001: 91-92). Такую же специализацию в это время имели и районы у современных сёл Козырка и Большая Черноморка, где с архаического времени выразительно прослеживается фуражная направленность зернового хозяйства (Одрін 2011: 350). Уместен вариант сезонного использования земельных угодий, близлежащих к городу. Не

⁹ В качестве подтверждения гипотезы приведём версию В.В. Рубана, ссылающегося на находку черепка с оттиском реверса монеты серии ЕМИНАКО из раскопок Ольвии, на основании которой он приходит к выводу о том, что до появления магистратуры агораномов, контроль за стандартизацией керамической продукции в полисе осуществлялся от имени тирана (Рубан 1982: 38; см. также: Карышковский 1984-а: 81 сл. Рис. 3.1). Данная находка дополнительно ставит под сомнение восприятие Эминака в качестве скифского царя, его наместника или династа. Если выпуск серебряной монеты, в определённой степени, не выходил за рамки их компетенции, то контроль за изготовлением мерной городской посуды внутривосполисного обращения персонами такого высокого политического статуса, представляется маловероятным, тем более при условии безусловного контроля за внешнеэкономической деятельностью и невмешательства скифских правителей (по Ю.Г. Виноградову) во внутренние дела государства. С другой стороны, подобный контроль вполне соответствует, полномочиям тиранов, распространявшимся практически на все сферы городской жизни. Однако, данный факт сомнительной узурпации наместником скифского царя функций полисных чиновников «средней руки», отнюдь не смущает Ю.Г. Виноградова, вскользь упомянувшего указанный оттиск на фрагменте ойнохой, в процессе отождествления Эминака с полномочным представителем Октамасада (Виноградов 1989: 93 сл.).

исключено, что первые индивидуальные усадьбы этого времени в окрестностях Ольвии могли принадлежать семьям отдельных переселенцев и беженцев типа синопского экс-тирана Тимесилея и его брата Теопрота, которым ольвиополиты, стеснённые жесткой стенохорией, кроме политики, предоставили и привилегию энктесиса (Виноградов 1981: 65-90; 1995: 16). Заметим, что уже само предоставление политики в античном понимании этого термина предполагает право приобретения земли. Ольвиополитами, как справедливо отмечает Ю.Г. Виноградов, этот *modus* был воспринят на протяжении IV в. до н.э., когда среди многочисленной серии проксенийных декретов, где присутствует политика, ни разу не зафиксирован энктесис (Виноградов 1981: 87).

В качестве условной даты упразднения тиранического режима принято считать рубеж V – IV вв. до н.э. (Рубан 1985: 33-34; Виноградов 1989: 138). Позднее, Ю.Г. Виноградов и В.В. Крапивина, проводя анализ ольвийского лапидарного памятника, содержащего два документа на одной плите, — декрет в честь боспорского правителя Сатира и договор с его сыном Левконом, — допустили возможность того, что в хронологический промежуток 392-389 гг. до н.э. ольвиополиты ещё находились под властью тирана (Виноградов, Крапивина 1995: 75-76). Н.И. Николаев, исследуя каталог ольвийских эпонимов (IOSPE. I². 201), связывает время низвержения тирана с введением в Ольвии эпонимата Аполлона Дельфиния в 401 г. до н.э. (Николаев 2008: 38, 63). Но вычисленная сугубо математическими расчётами дата не может считаться окончательно верной, т.к. автор опирается на условное время падения тирании. Она может быть отодвинута как на десятилетие ранее, так и

на десятилетие позднее, имея, как минимум, 20-летний диапазон (Снытко 2009: 139).

События политического характера способствовали проведению экономических реформ и кардинальным изменениям в земельном законодательстве, что стимулировало основание и развитие поселений хоры (Снытко 2000: 49; Буйских 2009: 230). Кроме того, после окончательного обустройства Ольвии во второй половине V в. до н.э. в классический греческий город со всей необходимой атрибутикой, высвободились значительные людские ресурсы, а усиление аграрной отрасли стало экономической необходимостью (Крыжицкий и др. 1999: 114; Буйских 2009: 231).

На протяжении первых двух третей IV столетия на хоре Ольвии появляется целая сеть урбанизованных поселений с достаточно развитым каменным домостроительством, которые возникли на местах бывших архаических либо на новых участках (Крыжицкий и др. 1980: 11; Буйских 2009: 230-231), и первые индивидуальные усадьбы (Буйских 1990: 51-52). В это время сельская округа не только достигает размеров территории архаического – раннеклассического периодов, но в её рубежах осваиваются новые площади. Поселения компактно размещаются на побережьях Бугского (до широты г. Николаев на севере), Днепровского и Березанского лиманов. В этом новом освоении хоры чётко прослеживается регламентация, целенаправленность, а также сознательный рациональный расчёт (Буйских 1997-а: 16-17). Заселение хоры происходило не в единое время, а последовательно, на протяжении, как минимум, полустолетия (Снытко 2000: 58; Буйских 2009: 230). Если ближайшие к Ольвии поселения и усадьбы возникают в начале IV в. до н.э., то одно из

самых удалённых к северу от города поселение Сиверсов Маяк-I основано не ранее 360-350 гг. до н.э. (Снытко 1995: 148; Jefremow, Snytko 2004: 38). Последовательность по времени застройки наблюдается и на ближайших к Ольвии памятниках. Так, на поселении Чертоватое-I имеются участки, которые датируются рубежом V – IV вв. до н.э., и есть сооружения, возведённые не ранее второй четверти IV столетия (Снытко 1994-а: 152-156; 2000: 58). В связи с этим отметим, что, возможно, термины «реколонизация» и «реорганизация», предложенные В.М. Отрешко и В.В. Рубаном, как причина воссоздания т.н. «большой хоры», не совсем удачно соответствуют процессу нового освоения сельской округи (Отрешко 1982: 36-38; Рубан 1985: 33-36). Корни его, на наш взгляд, прежде всего, следует искать в темпах экономического, социального и демографического роста самого Ольвийского государства и в целом хронологический отрезок, связанный с увеличением сети поселений на хоре, характеризовать как очередной обширный этап внутренней колонизации полиса (Снытко 2009-а: 186), что более соответствует традиционной античной практике постепенного расширения зоны непосредственного хозяйственного воздействия (Яйленко 1983: 135). В общих чертах, новое освоение хоры было процессом внутриволисным в политическом, экономическом и демографическом аспектах, происходившее преимущественно за счет внутренних ресурсов Ольвийского государства (Крыжицкий и др. 1989: 100; Снытко 2000: 57-58; 2009-а: 186; Буйских 2009: 231), хотя и не исключается определенное участие в новом заселении сельской округи выходцев из Малой Азии (Отрешко 1982: 38) и особенно из метрополии – Милета, с кото-

рым у ольвиополитов существовал договор об исополитии, дополнительно подтверждённый в 329/8 году или несколько позднее (Milet. 1. 3. 136 = Syll.³ 286; Виноградов 1983: 390).

В первой трети IV в. до н.э. возникли и поселения, расположенные к западу (от устья Тилигульского лимана до Одесского залива) и к востоку (Нижнее Поднепровье) от границ Ольвийского полиса, официальное отношение которых к Ольвийскому государству достаточно сомнительно, несмотря на целый ряд черт, присущих сугубо памятникам хоры Ольвии этого времени.¹⁰ Прежде всего, обитателями этих поселений использовались преимущественно ольвийские денежные знаки (Диамант 1978: 241 сл.; Рубан, Урсалов 1986: 31-53; Bodzek 2008: 13-23; Абикулова, Пиворович 1982: 30-32), что дало повод некоторым исследователям безоговорочно отнести эти территории к Ольвийскому полису (Диамант 1978: 241 сл.; Рубан 1978: 44 сл.; он же 1985: 31; Рубан, Урсалов 1986: 52). Много общих черт с населением хоры Ольвии наблюдается в материальной и духовной культуре (Буйских, Былкова 1991: 32-34; Былкова 2000: 125-139; Диамант 1974: 270-271; 1975: 117-119; Редина и др. 2008: 142-160; Redina 2007: 507-536; Kowal 2008: 75-94) и особенно в погребальном обряде жителей этих поселений, который практически не отличается от погребальных традиций ольвиополитов этого времени (Редина и др. 2008: 151-154; Козуб 1974; Снытко 2009: 25-34). Но однозначно формулиро-

¹⁰ Основные точки зрения относительно принадлежности этих территорий и собственная позиция авторов изложены: Крыжицкий и др. 1989: 8-10; Буйских 2009: 231.

вать официальную принадлежность этих территорий к Ольвийскому государству, полагаясь только на перечисленные выше факторы, довольно рискованно и недостаточно обоснованно.¹¹ Допустимо лишь констатировать, что эти земли, безусловно, входили в сферу политических, экономических и культурных интересов Ольвии и были дополнительной частью внутреннего рынка полиса. Появление этих поселений достаточно удачно можно связать с т.н. «новой волной» колонистов из греческих городов Малой Азии, которым по различным обстоятельствам или по политическим соображениям¹² не хватило места в исторических территориальных границах Ольвийского государства. По этим причинам пришлось расселяться в ближайшем ольвийском приграничье. Вероятно, в те времена это население и получило в среде коренных ольвиополитов обобщенное название «миксэллины» (т.е. выходцы из разных городов Ионии и, воз-

¹¹ Проблематичность идеи т.н. «ольвийской переи», выдвинутой И.Б. Брашинским (Брашинский 1977: 303), отмечает Ю.Г. Виноградов (Виноградов 1989: 68), тем не менее, безоговорочно присоединяясь к гипотезе А.Н. Щеглова (Щеглов 1985: 84-86; 1986: 166-171; Sceglov 1987: 244-247; Щеглов, Рогов 1985: 86-88) об основании ольвийского форта в начале IV в. до н.э. на поселении Панское-I и распространении территориальной экспансии ольвиополитов в Северо-Западный Крым (Vinogradov 1987: 33 ff.; Виноградов 1989: 170-171; 1990-а: 51-64; 1995: 19-20; Виноградов, Крапивина 1995: 74).

¹² Здесь уместно вспомнить возможную конфликтную ситуацию между новым контингентом колонистов и старыми ольвиополитами конца VI – первой половины V в. до н.э., упомянутую выше. Возможно, в связи с этим, ольвиополиты, наученные горьким опытом, ввели определённые ограничения для приёма и расселения эпойков в исторических рубежах полиса.

можно, других полисов античного мира), утвердившееся и сохранившееся до времён издания ольвийского декрета в честь Протогена, где они упомянуты (IOSPE, 1², № 32; Снытко 2011: 461-468). Организация новых поселений в приграничье, скорее всего, происходила не без участия ольвиополитов, а, возможно, даже находилась под контролем полисной администрации и регулировалась государством.

Что касается Нижнего Поднепровья, где на рубеже V – IV вв. наблюдается процесс оседания скифов на землю (Гаврилюк, Абикулова 1991: 29), то в составе населения греческих поселений низовья Днепровского лимана возможно присутствие и варварского контингента. Присутствие варваров по результатам исследований Кошарского некрополя фиксируется и на западных поселениях ольвийского приграничья. Кроме средиземноморского (греки), нордического (варвары), антропологи выделяют даже незначительный, хотя достаточно выразительный арменоидальный тип, который связывают со смешанным составом греческих колонистов (Kaczanowski, Kosydarski, Niedzwiecka 2008: 53-61). Однако на наш взгляд, варварский элемент среди населения появился не в начале освоения вышеуказанных поселений, а несколько позднее, в процессе греко-варварских связей в этих регионах. Под вопросом остается и степень зависимости поселенцев приграничья от Ольвии, а также их социально-правовой статус. Учитывая то, что миксэллины в большинстве известных источников упомянуты в связи с военным делом, как и в декрете в честь Протогена, где они фигурируют в контексте военных событий («бывшая война» и нынешняя угроза со стороны кочевников), бо-

лее реальной представляется гипотеза П.О. Карышковского, И.Б. Клеймана и Ю.Г. Виноградова, согласно которой миксэллины — зависимое военно-земледельческое население типа клерухов, катэков и периэков, специально организованное для охраны рубежей Ольвийского полиса (Карышковский, Клейман 1985: 74; Виноградов 1989: 183).

Достаточно сложно моделировать социальную структуру населения возрождающейся «большой хоры» Ольвии. Исходя из традиционной античной практики, можно предположить, что подавляющее большинство населения сельской округи составляли представители гражданского коллектива полиса, что подтверждается и данными археологии (Крыжицкий и др. 1989: 148; Буйских 2009: 238-241; Снытко 2009: 32; 2009-а: 186-187). Среди контингента сельских жителей могли быть и иностранцы — ксены, как ранее проживавшие в городе, так и из числа новых колонистов. Бе-

зусловно, определённую прослойку составляли домашние и сельскохозяйственные рабы, именуемые по ольвийским лапидарным источникам ойкетами (IOSPE. I². 32; Крыжицкий и др. 1989: 148; Снытко 2011: 461-468). Отметим, что сложная социальная и имущественная стратификация населения возобновлённой хоры Ольвии наметилась уже в первой половине IV в. до н.э. Об этом свидетельствуют различные типы населённых пунктов (урбанизированные поселения с каменным домостроительством, поселения с земляночной и полуземляночной архитектурой, отдельные усадьбы и хутора, пастушьи и рыбацьи стоянки) и погребальный обряд (Снытко 2009: 32). Усиление классовой дифференциации и политической борьбы в государстве, скорее всего, происходило уже во второй трети IV столетия, ознаменовавшееся возможной победой радикальной демократии в период после македонской агрессии (Виноградов 1989: 175-176).

Литература

- Абикулова М.И., Пиворович В.Б. 1982. Неопубликованные находки ольвийских монет на поселениях Нижнего Днепра (по материалам Херсонского музея) // Нумизматика античного Причерноморья. К.
- Андреев Ю.В. 1988. Архаическая Греция // История Европы. Т. 1. Гл. 5. М.
- Анохин В.А. 1973. Монеты Атея // Скифские древности. К.
- Анохин В.А. 1989. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. К.
- Брашинский И.Б. 1977. Рец.: Wasowicz A. 1975. Olbia pontique et son territoire. Paris // СА. №3.
- Буйских С.Б. 1985. Работы в сельской округе Ольвии // АО 1983 г. М.
- Буйских С.Б. 1985. Некоторые итоги изучения Ольвийской хоры // ПИО. Тез.докл. и сообщ. семинара. Парутино.
- Буйских С.Б. 1986. Некоторые вопросы пространственно-структурного развития ольвийской хоры догетского времени (VI – II вв. до н.э.) // Ольвия и её округа. К.
- Буйських С.Б., Ольговський С.Я. 1995. До історії населення Ольвійської хори // Питання історії культури України. К.
- Буйских С.Б. 1990. Древнейшие античные сельскохозяйственные усадьбы Нижнего Побужья // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Ч.2. Херсон.

- Буйских С.Б., Былкова В.П. 1991.** К проблеме этнокультурной атрибуции нижнеднепровских памятников V – III вв. до н.э. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. ТД Международной конф. Запорожье.
- Буйских С.Б. 1997.** К проблеме этнокультурной атрибуции Марицынского могильника // Мат-лы II-ї Миколаївської обл. краєзн. конф. Миколаїв.
- Буйских С.Б. 1997-а.** К проблеме территориальных владений Ольвийского полиса в IV в. до н.э. // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. ТД международной научной конференции. Севастополь.
- Буйских С.Б. 2004.** Ольвия и варвары в VI – V вв. до н.э. // ССПК. Т. XI. Запоріжжя.
- Буйских С.Б. 2005.** Античное поселение Аджигол-1 близ Ольвии // ССПК. Вып.12. Запоріжжя.
- Буйських С.Б. 2007.** Хора Ольвійського поліса (до історії наукової розробки проблеми) // Археологія. №1.
- Буйских С.Б. 2007-а.** Серая керамика как этнопоказатель греческого населения Нижнего Побужья в VI – I вв. до н.э. // Боспорские исследования. Вып. XI. Симферополь-Керчь.
- Буйских С.Б. 2007-б.** К проблеме греко-варварских контактов в Нижнем Побужье архаического времени // ССПК. Т. XIV. Запоріжжя.
- Буйских С.Б. 2008.** Греческая колониальная хора в Нижнем Побужье // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы VI Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика В.П. Бузескула. Харьков.
- Буйских С.Б. 2009.** Хора колониального полиса в Нижнем Побужье: от архаики к эллинизму // ССПК. Т. XV. Запоріжжя.
- Буйских С.Б., Отрешко В.М. 2009.** Основные этапы развития сельской округи Ольвии доримского времени // Ольвийские древности. Сборник научных трудов памяти В.М. Отрешко. К.
- Буйських С.Б. 2011.** До проблеми заснування та становлення Ольвійського полісу // Древнее Причерноморье. Вып. IX. Одесса.
- Былкова В.П. 2000.** Поселение на Нижнем Днепре в аспекте скифо-эллинических отношений // АВ. СПб.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К. 1985.** О начале второго этапа развития сельскохозяйственных поселений Нижнего Побужья античного периода // ПИО. Парутино.
- Виноградов Ю.А., Марченко К.К. 1986.** Античное поселение Лупарево 2 // Ольвия и ее округа. К.
- Виноградов Ю.Г. 1981.** Синопа и Ольвия // ВДИ. №2. Ч.1. М.
- Виноградов Ю.Г. 1981.** Синопа и Ольвия // ВДИ. №3. Ч.2. М.
- Виноградов Ю.Г. 1981-а.** Варвары в просопографии Ольвии VI – V вв. до н.э. // Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси.
- Виноградов Ю.Г. 1983.** Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т. 1. М.
- Виноградов Ю.Г. 1985.** Политическая история Ольвии в V в. до н.э. // ПИО. Парутино.
- Виноградов Ю.Г., Доманский Я.В., Марченко К.К. 1988.** Развитие взаимоотношений местного населения Северного Причерноморья с греческим миром в VII – IV вв. до н.э. // Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII – IV вв. до н.э. Материалы IV Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо-Вани 1985. Тбилиси.
- Виноградов Ю.Г. 1989.** Политическая история Ольвийского полиса VII – I вв. до н.э.: Историко-эпиграфическое исследование. М.
- Виноградов Ю.Г. 1990.** Слово об ученом, человеке, друге // Древнее Причерноморье (материалы I Всесоюзных чтений памяти профессора П.О. Карышковского). Одесса.
- Виноградов Ю.Г. 1990-а.** Ольвиополиты в Северо-Западной Таврике // Древнее Причерноморье. Одесса.
- Виноградов Ю.Г., Доманский Я.В., Марченко К.К. 1990.** Сопоставительный анализ письменных и археологических источников по проблеме ранней истории Северо-Западного Причерноморья // Причерноморье в VII – V вв. до н.э. Письменные источники и археология. Материалы V Международного симпозиума по древней истории Причерноморья. Вани-1987. Тбилиси.

- Виноградов Ю.Г. 1995. Понт Евксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика // Античные полисы и местное население Причерноморья. Материалы международной научной конференции «Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура». Севастополь.
- Виноградов Ю.Г., Крапивина В.В. 1995. Ольвия и Боспор в раннем IV в. до н.э. // Античные полисы и местное население Причерноморья. Материалы международной научной конференции «Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура». Севастополь.
- Гаврилюк Н.А., Отрешко В.М. 1982. Лепная керамика архаического поселения Большая Черноморка-II // Древности Степной Скифии. К.
- Гаврилюк Н.А., Абикулова Н.А. 1991. Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья (новые материалы). Ин-т археологии. Препр. К.
- Гаврилюк Н.А. 1999. История экономики Степной Скифии VI – III вв. до н.э. К.
- Гаврилюк Н.А. 2000. Степная Скифия VI – V вв. до н.э. (эколого-экономический аспект). Автореф. дис. докт. ист. наук. СПб.
- Гаврилюк Н.А., Соколова О.Ю. 2007. Лепная керамика Нимфея // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. М., К., Запорожье, 2007.
- Гребенников Ю.С., Фридман М.И. 1985. К вопросу о населении ольвийской периферии в середине V в. до н.э. // ПИО. Парутино.
- Гребенников Ю.С. 2008. Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX – III вв. до н.э.). Николаев.
- Гречко Д.С. 2010. Курганы конца VI – середины V вв. до н.э. Нижнего Побужья: греки или скифы? // «Древности». Вып.9. Харьков.
- Диамант Э.И. 1974. Поселение античного времени на территории г. Одессы // АО 1973.
- Диамант Э.И. 1975. Раскопки поселений античного времени на территории Одесского залива V – III вв. до н.э. // 150 лет ОАМ. ТДК. Одесса.
- Диамант Э.И. 1978. Монетные находки Кошарского поселения (К вопросу о западной границе Ольвийского полиса) // АИСЗП. К.
- Диамант Э.И., Левина Э.А. 1991. Лепная керамика Кошарского поселения // Северо-Западное Причерноморье — контактная зона древних культур. К.
- Доманский Я.В., Фролов Э.Д. 1994. Ольвия во взаимоотношениях с внешним миром в VI – I вв. до н.э. (вопросы периодизации) // Ольвия-2000. ТД международной конференции, посвященной археологическому открытию Ольвии. Николаев.
- Доманский Я.В., Фролов Э.Д. 1995. Основные этапы развития межполисных отношений в Причерноморье в доримскую эпоху (VIII – I вв. до н.э.) // Античные полисы и местное население Причерноморья. Материалы международной научной конференции «Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура». Севастополь.
- Зубарь В.М. 2003. О научной этике и статье Р. Карасевича-Щеперского, посвященной римской цитадели Херсонеса // АБУ за 2001-2002 гг.
- Зуц В.Л. 1970. Державний лад Ольвії // УДЖ. №9.
- Карышковский П.О. 1960. О монетах с надписью ΕΜΙΝΑΚΟ // СА. №1.
- Карышковский П.О. 1962. О надписях на ранних монетах Ольвии // МАСП. Вып.4.
- Карышковский П.О. 1969. Монетное дело и денежное обращение Ольвии VI в. до н.э. – IV в. н.э. // Автореф. докт. дис. Л.
- Карышковский П.О. 1978. Ольвийские эпонимы // ВДИ. №2.
- Карышковский П.О. 1984. Ольвийские мольпы // Северное Причерноморье. К.
- Карышковский П.О. 1984-а. Новые материалы о монетах Эминака // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. К.
- Карышковский П.О. 1985. Новые монетные находки в Северо-Западном Причерноморье // Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. К.
- Карышковский П.О. 1988. Монеты Ольвии. К.

- Карышковский П.О., Клейман И.Б. 1985. Древний город Тира. К.
- Козуб Ю.І. 1974. Некрополь Ольвії V – IV ст. до н.е. К.
- Крыжицкий С.Д., Бураков А.В., Буйских С.Б., Отрешко В.М., Рубан В.В. 1980. К истории ольвийской сельской округи // Исследования по античной истории Северного Причерноморья. К.
- Крыжицкий С.Д. 1985. Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. К.
- Крыжицкий С.Д., Отрешко В.М. 1986. К проблеме формирования Ольвийского полиса // Ольвия и её округа. К.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. 1989. Сельская округа Ольвии. К.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М. 1990. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). К.
- Крыжицкий С.Д., Лейпунская Н.А. 1997. Ольвия (раскопки, история, культура). Николаев.
- Крижицкий С.Д., Зубар В.М., Русяева А.С. 1998. Античні держави Північного Причорномор'я. К.
- Крыжицкий С.Д., Русяева А.С., Крапивина В.В., Лейпунская Н.А., Скржинская М.В., Анохин В.А. 1999. Античное государство в Северном Причерноморье. К.
- Крижицкий С.Д. 2001. Ольвія і скіфи у V ст. до н.е. До питання про скіфський «протекторат» // Археологія. №2.
- Крыжицкий С.Д. 2006. О критериях присутствия варваров в составе населения ранней Ольвии // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. М.
- Крыжицкий С.Д. 2007. О двух тенденциях в исследовании проблем греко-варварского взаимодействия в Нижнем Побужье VI – V вв. до н.э. // Античный мир и варвары на Юге России и Украины. М.; К.; Запорожье.
- Латышев В.В. 1887. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб.
- Марченко К.К. 1980. Модель греческой колонизации Северного Причерноморья // ВДИ. №1.
- Марченко К.К. 1985. Сравнительная характеристика двух поселений Нижнего Побужья позднеархаического периода — Старая Богдановка 2 и Куцуруб 1 // ПИО. Парутино.
- Марченко К.К., Доманский Я.В. 1986. Античное поселение Куцуруб 1 // АСГЭ. Вып.27.
- Марченко К.К. 1988. Варвары в составе Березани и Ольвии во второй половине VII – первой половине I вв. до н.э. Л.
- Марченко К.К. 1991. Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья VII – I вв. до н.э. Автореф. дис. докт. ист. наук. Л.
- Марченко К.К. 1993. К вопросу о протекторате скифов в Северо-Западном Причерноморье в V в. до н.э. // ПАВ. №7.
- Марченко К.К., Виноградов Ю.А. 1995. Греки и скифы в Северо-Западном Причерноморье // ВДИ. №1.
- Марченко К.К. 1999. К проблеме греко-варварских контактов в Северо-Западном Причерноморье V – IV вв. до н.э. (сельское население Нижнего Побужья) // Stratum-Plus. №3. СПб.; Кишинев; Одесса.
- Марченко К.К. 2005. Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья в скифскую эпоху // Греки и варвары Северного Причерноморья в античную эпоху. СПб.
- Мельников О.Н. 2002. К гипотезе о скифском протекторате над Ольвией в V в. до н.э. // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Материалы III Международной конференции. Тирасполь.
- Мурзин В.Ю. 1984. Скифская архаика Северного Причерноморья. К.
- Николаев Н.И. 2008. Политическая и культурная элита Ольвии IV – I вв. до н.э. Николаев.
- Николаев Н.И., Снытко И.А. 2009. Некоторые вопросы социально-политической истории Ольвии второй половины V – первой половины IV вв. до н.э. // Ольвийские древности. Сборник научных трудов памяти В.М. Отрешко. К.
- Одрін О.В. 2001. Виробництво і торгівля вовною та виробами з вовни в Ольвії VI – V ст. до н.е. // Ольвія та античний світ. Матеріали наукових читань, присвячених 75-річчю утворення історико-археологічного заповідника «Ольвія» НАН України. К.

- Одрін О.В. 2011. Зернове господарство античних держав Надчорномор'я: загальні тенденції та регіональні особливості // Древнее Причерноморье. Вып. IX. Одесса.
- Отрешко В.М. 1979. К проблеме экономического районирования Нижнего Побужья в архаическую эпоху // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Цхалтубо.
- Отрешко В.М. 1982. З історії Ольвійського поліса в IV – III ст. до н.е. // Археологія. №42.
- Отрешко В.М. 1990. Ольвийская хора VI – V вв. до н.э. // Автореф. дисс... канд. ист. наук. К.
- Охотников С.Б. 1990. Нижнее Поднепровье в VI – V вв. до н.э. К.
- Охотников С.Б. 2008. Античные поселения Нижнего Поднепровья (VI в. до н.э. – III в. н.э.) // ПОНТИКА — 2006. Krakow.
- Редина Е.Ф., Папуци-Владыка Э., Бодзек Я., Маховски В. 2008. Археологический комплекс античного времени у села Кошары — итоги исследования // ПОНТИКА — 2006. Krakow.
- Рогальский Ад. 1974. К вопросу о монетах скифского царя Атея // НС. №5.
- Рубан В.В. 1978. Динамика территориальных границ Ольвийского полиса на протяжении догетского времени // Авторско-читательская конференция ВДИ. ТДК. М.
- Рубан В.В. 1979. О датировке поселения Козырка II // Памятники древних культур Северного Причерноморья. К.
- Рубан В.В. 1980. Раннеэллинистические лепные кратеры из Нижнего Побужья // СА. №1.
- Рубан В.В. 1982. Магістратура агораномів в Ольвії // Археологія. №39. К.
- Рубан В.В. 1985. Проблемы исторического развития Ольвийской хоры в IV – III вв. до н.э. // ВДИ. №1.
- Рубан В.В., Урсалов В.Н. 1986. История денежного обращения на сельской территории Борисфениды и Ольвии догетского времени // ВДИ. №4.
- Русяева Г.С. 1968. Поселення Петухівка-1 біля Ольвії // Археологія. Т.21.
- Русяева А.С. 1986. Милет — Дидими — Борисфен — Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. №2.
- Русяева А.С. 1992. Религия и культы античной Ольвии. К.
- Русяева А.С. 1994. Ольвійська демократія // Археологія. №2.
- Сапрыкин С.Ю. 1984. Тирания в припонтійських государствах // Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Л.
- Снытко И.А., Липавский С.А. 1990. Античные сельские некрополи VI – V вв. до н. э. в Нижнем Побужье // Древнее Причерноморье. Одесса.
- Снытко И.А. 1990. Литой асс из поселения Кателино-I // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинёв.
- Снытко И.А. 1991. Посвятительное граффито с поселения античного времени Сиверсов маяк на Бугском лимане // ВДИ. №4.
- Снытко И.А. 1992. Марицынский могильник в свете новых исследований в Нижнем Побужье // Киммерийцы и скифы. ТД Международной научной конференции, посвященной памяти А.И. Тереножкина. Мелитополь.
- Снытко И.А. 1994. К вопросу о демографическом потенциале процесса реколонизации хоры Ольвии на рубеже V – IV вв. до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. ТД VII международной научной конференции. Ростов-на-Дону.
- Снытко И.А. 1994-а. Исследования поселения Чертоватое-I на Бугском лимане // КСООА.
- Снытко И.А. 1994-б. К вопросу о духовной культуре жителей поселения Сиверсов Маяк-I в IV – III вв. до н.э. // Древнейшие общности кочевников и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до р.э. – V в. н.э. Тирасполь.
- Снытко И.А. 1994-в. Граффиты из античного поселения Сиверсов Маяк-I на Бугском лимане // Ольвия — 2000. Тез. докл. междунар. конф. Николаев.
- Снытко И.А. 1995. Исследования поселения античного времени Сиверсов Маяк на Бугском лимане (краткая информация о раскопках) // Античные полисы и местное население Причерноморья. Материалы междунар. научн. конф. «Межполисные взаимоотношения в Причерноморье в доримскую эпоху. Экономика, политика, культура». Севастополь.

- Снытко И.А. 2000.** РекOLONизация хоры Ольвии рубежа V – IV вв. до н.э. Политический, социально-экономический, демографический и социальный аспекты // Актуальні проблеми історії та культури України. Миколаїв – Одеса.
- Снитко І.О. 2009.** Поховальний обряд населення хори Ольвії IV – III ст. до н.е. // Археологія. №3.
- Снытко И.А. 2009-а.** Культ Аполлона на древнегреческих поселениях Нижнего Побужья и некоторые аспекты культурно-исторического развития региона в античную эпоху // ССПК. Т.XV.
- Снитко І.О. 2010.** Рец.: Николаев Н.И. Политическая и культурная элита Ольвии IV – I вв. до н.э. Николаев. Шамрай. 2008. // Археологія. №3.
- Снытко И., Снытко Е., Николаев Н. 2010.** О культуре героев в Нижнем Побужье в античную эпоху // Revista Arheologica. Vol.I. №2. Chisinau.
- Снитко І.О. 2011.** Підкурганні поховання некрополів хори Ольвії VI-V ст. до н.е. // Археологія. №1. К.
- Снытко И.А. 2011-а.** Миксэлины и ойкеты ольвийского декрета в честь Протогена (к вопросу об историко-культурной и территориальной идентификации) // Древнее Причерноморье. Вып. IX. Одесса.
- Снытко Е.В., Снытко И.А., Халычев А.С. 2011.** Лепная керамика из античных сельских некрополей Нижнего Побужья VI – III вв. до н.э. // Древнее Причерноморье. Вып. X. Одесса.
- Соловьёв С.Л. 2000.** Архаическая Березань: (историко-археологический очерк) // АВ. №7. СПб.
- Соловьёв С.Л. 2000-а.** Из истории полисов Нижнего Побужья: Борисфен и Ольвия // Античное Причерноморье. СПб.
- Соловьёв С.Л. 2000-б.** Хора Борисфена, Ольвии, Нимфея и Гермонассы: результаты исследований и сравнительный анализ // Таманская старина. СПб.
- Тереножкин А.И. 1977.** Общественный строй скифов // Скифы и сарматы. К.
- Урсалов В.М. 1986.** Новые данные по истории монетного искусства Ольвии // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. К.
- Цыбульский С.А. 1894.** Греческие монеты. СПб.
- Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрик Ю.В., Полин С.П., Скорый С.А., Бокий Н.М., Гребенников Ю.С. 1986.** Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. К.
- Шелов Д.Б., Брашинский И.Б. 1969.** Рец.: Лапин В.В. 1966. Греческая колонизация Северного Причерноморья. К. // ВДИ. №3.
- Штерн Э.Р. 1904.** Археологические новинки // ЗООИД. Т.25.
- Штительман Ф.М. 1958.** Поселения біля Закісової балки // АП УРСР. Т.2.
- Щеглов А.Н. 1985.** Ольвия и Херсонес: новые материалы и аспекты проблемы // ПИО. Парутино.
- Щеглов А.Н., Рогов Е.Я. 1985.** Погребения в подбойных могилах в Нижнем Побужье, в Нижнем Поднестровье и в Северо-Западном Крыму // ПИО. Парутино.
- Щеглов А.Н.** Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н.э. // Античная гражданская община. Л.
- Яйленко В.П. 1982.** Греческая колонизация VII – III вв. до н.э. М.
- Яйленко В.П. 1983.** Архаическая Греция // Античная Греция. Т.1. Гл. 3. М.
- Яценко И.В. 1959.** Скифия VII – V вв. до н.э. // Тр. ГИМ. Вып.36. М.
- Bodzek J. 2008.** Koshary (Ukraine) – Coin finds in 2004-2005 // PONTIKA – 2006. Krakow.
- Buiskich S.B. 2006.** Die Chora des pontischen Olbia: die Hauptetappen der raumlich-strukturellen Entwicklung // Surveying the Greek Chora (BSS 4). Aarhus.
- Buyskikh S.B. 2007.** Contacts between Greeks and Non-Greeks on the Lower Bug in the Sixth and Fifth Centuries BC // Classical Olbia and Scythian Word (PBA).
- Jefremow N., Snytko I. 2004.** Altgriechische Keramikstempel von den Ausgrabungen in der Wasserscheide Siversov Majak bei Olbia // Münstersche Beiträge z. antiken Handelsgeschichte. Bd. XXIII. H. 2. Münster.
- Kaczanowski K., KosydarSKI A., Niedzwiecka E. 2008.** Results of 1998-2004 anthropological studies at an ancient burial site at Koshary (the Ukraine) // PONTIKA – 2006. Krakow.
- Kowal A. 2008.** Grey ware from Koshary siti // PONTIKA – 2006. Krakow.
- Kolb F. 1977.** Die Bau-, Religions- und Kulturpolitik der Peisistratiden // JDAI. Bd. 92. Berlin.

- Redina Y.F. 2007.** Greek Settlements on the Shores of the Bay of Odessa // Ancient Greek Colonies in the Black Sea 2. Vol. I. Oxford.
- Saprykin S. 1991.** Chersonesos Taurike: new evidence on Greek city-state in the Western Crimea // Proceeding of the first international congress on the Hellenic Diaspora from Antiquity to Modern Times. Vol. I. Amsterdam.
- Sceglov A.N. 1987.** Un établissement rural en Crimée: Panskoje-I (Fouilles de 1969-1985) // DHA. № 13.
- Stern E. 1915.** Die politische und soziale Struktur der Griechenkolonien am Nordufer des Schwarzmeergebietes // Hermes. Bd. 50.
- Snytko I. 1996.** Greek burial customs in Olbian Chora (6-th – 5-th centuries B.C.) // The Thracian World at the crossroads of civilizations. The 7-th international congress of Tracology. May 20-26, 1996. Constanta – Mangalia – Tulcea. Romania. Bucharest.
- Solovyov S.L. 2001.** On the History of the Citi-States in the Lower Bug Area: Borysthene and Olbia // J. Boardman et al. (Ed). Pontic Antiquities in the State Hermitage Museum (Colloquia Pontica 7). Leiden.
- Vinogradov J.G. 1979.** Griechische Epigraphik und Geschichte des nördlichen Pontosgebietes // Actes du VII Congres International d'epigraphie grecque et latine. Bukarest.
- Vinogradov J.G. 1980.** Die historische Entwicklung der Poleis des nördlichen Schwarzmeergebietes im 5 Jahrhundert v. Chr. // Chiron. Bd. 10.
- Vinogradov J.G. 1981.** Olbia: Geschichte einer altgriechischen Stadt am Schwarzen Meer. Konstanz.
- Vinogradov J.G. 1987.** Pontos Euxeinos als politische, ökonomische und kulturelle Einheit und die Epigraphik // Acta Centri historiae Terra Antiqua Balcanica. Trinovi.
- Vinogradov J.G. 1994.** Zur Klassifizierung der griechisch-barbarischen Abhängigkeitsverhältnisse der vorrömischen Zeit im pontischen Raum // Hellenismus. Beiträge zur Erforschung von Akkulturation und politischer Ordnung in den Staaten des hellenistischen Zeitalters. Akten des Internationalen Hellenismus-Kolloquiums (9-14 März, 1994, Berlin). Tübingen.

SUMMARY

In the article, certain questions devoted to historic development of Olbio Polis in Late Archaic and Early Classic periods are under review. The main problems in study of the most important in State History chronological period are covered. Its investigation is dramatized by two current opposite handlings in study of Olbio History. There are points of principle in Greek-Barbarian relationship in basis. The fundamental viewpoints in reference to some historic, social, political, economic reconstruction, ethnic and demographic models, territorial and structural state genesis are communicated and analyzed. On carry out of earlier elaborations and taking into account the modern ones, the author concludes about the necessity of further handling of study the Olbio History not as elementary trade and economic trans agent for rules of Scythia with prevail barbarian population, but as a classic Ancient Greek Polis with its traditional for Ancient Greeks social way of life, economic, cultural and social spheres. Special attention is given to the period of tyrannical governance in the second half of 5th century BC. In the basis of the number of findings, basing on archaeology data, the author concludes the most probable time for establishment the tyrannical Polis rule – the end of 2nd quarter – the middle of 5th century BC. The brief emission of silver Eminac's stater is associated with the rule of tyranny in Olbio. Also the reality of existing as called "Scythian protectorate" in Polis is disputed.

